

Анна
КАРБАИНОВА

*

**Вот оно, время твоих недомолвок: длинноты,
долгие паузы, долгая сонная жизнь,
в доме играют тревожное, нервное что-то,
это вальсирует медленно сквозь этажи.**

**Тяжкая осень вползает в сады и бульвары,
сколько ещё нам расстроенный воздух вдыхать,
резкие птички прощанья подслушивать, старый
плащ надевать, и надеяться вз нисмэха.**

**Все мы живём в этой осени где-то на самом
тонком и тёмном краю, и стараемся, вдруг
с веток сорвавшись, звенеть и звенеть голосами,
с ветром играть, вновь и вновь отправляясь на юг.**

*

**Трамвай снаружи — как будто праздник, которого долго ждёшь.
Вот он приходит, и ты садишься, а он совсем не похож
на ожидание, что томилось в замёрзшей твоей груди:
ноябрь недобр и бесконечен, и вся зима впереди,
и пассажиры угрюмы, хмуры, и каждый — что серый волк.
Сиди и в сумке шурши дарами, последний бюджетный волхв,
и знай, что праздник грядущий будет прекрасен, благословен.
«Идём, — подсказывает кондуктор, — конечная, Вифлеем».**

*
Колыбельную пел я своей механической птице чудесной
среди пустынных квартирных степей эхо вторило мне горячо,
затихая под мерный тук-тук и шуршание перьев железных,
согревал нас старинный сюртук, под насест пригодилось плечо.

Колыбельную пел я в ночи, растворённой в осенней прохладе,
глядя старую птицу легко по подбитому ржавью крылу,
и мне грезилось море внутри мокролистого шумного сада,
и открытый балкон уплывал в дождевую звенящую мглу.

Колыбельную пел я, давно позабыв о её назначенье,
так привык к колдовскому тук-тук, отмерявшему каждый мой шаг,
что услышал сухое тик-так из груди со стальным опереньем
и не сразу поверил в него, а, поверив, умолк и обмяк.

Колыбельную пела моя заводная холодная птица,
пела ласково, нежно к щеке прикоснувшись помятым крылом,
и вся ночь предо мной расцвела обещаьем волшебным присниться,
и поверил я в сказку и лёг. И уснул долгим сказочным сном.

